

Сяо Цзе взошел на трон в благоприятный день. Это был совершенно обычный осенний день. Линь Циньюй, хоть и занимал должность придворного лекаря пятого ранга, а вдобавок носил статус супруга-мужчины, не удостоился чести участвовать в самой церемонии восхождения на трон. Тем не менее, он все еще мог стоять среди группы государственных чиновников, где слева и справа стояли помощник министра финансов и высокопоставленный чиновник цензората. Ко всему прочему он являлся еще и самым молодым среди этих чиновников пятого класса. В этом году ему исполнилось всего двадцать лет.

Некоторые люди смели утверждать, что он смог стоять сегодня здесь из-за славы генерала Гу. Другие же уверяли, будто сам новоиспеченный император и вдовствующая императрица оказывают ему особое расположение. Линь Циньюй было разрешено свободно передвигаться по дворцу, он часто посещал дворец Циньчжэн и дворец Фэнъи. Было видно, что этот человек не так прост, каким мог показаться обычный императорский лекарь. Поговаривали даже, будто император предлагал ему выбрать любую должность по душе, в шутку намекая на должность премьер-министра. Но Линь Циньюй отказался, сказав, что хочет оставаться простым императорским лекарем.

Когда громким голосом прокричали: «Император прибыл!» – все министры опустились на колени и поклонились до земли. Линь Циньюй и Гу Фучжоу не стали исключением. Земля была довольно твердой, и Линь Циньюй было некомфортно стоять на коленях. На всем пути от ворот дворца до зала Цзичэнь была расстелена длинная красная ковровая дорожка. Новый император прошел по ковру, мимо склоненных голов гражданских и военных чинов, и ступил на многочисленные ступени, ведущие в зал Цзичэнь.

В Даюй особо почитался черный цвет, поэтому императорское облачение для торжественных случаев было сшито из черной ткани, украшенной золотым шитьем. На черном фоне извивался вышитый золотыми нитями дракон с девятью когтями, символ власти и величия. Нижний край одеяния с драконом был чрезвычайно длинным и свободным, волочась по многочисленным ступеням и закрывая ноги императора. При каждом шаге императора золотые бусины, украшающие церемониальную корону на его голове, стучались, издавая мелодичный легкий звон.

За новым императором сдержанно следовал евнух. На его лице были стерты следы принадлежности к определенному полу. Его одеяние, тщательно выверенное до последней детали, подчеркивало высокий статус распорядителя церемоний. Не отрывая взгляда от спины императора, он внимательно следил за каждым его шагом. Ступень за ступенью, евнух следовал за ним, пока они не вошли в зал Цзичэнь, и замер у подножия трона.

Сяо Цзе сел на трон дракона. Он что-то произнес, обращаясь к чиновникам подле себя и министр ритуалов произнес: «Всем встать...»

Линь Циньюй тоже встал, глядя издали на трон дракона. Даже облаченный в роскошные одежды дракона, Сяо Цзе оставался всего лишь симпатичным, но ничтожным идиотом. Линь Циньюй удостоил его лишь коротким взглядом, после чего все его внимание сосредоточилось на фигуре стоявшего неподалеку Си Жуна.

Как иронично. Как бы Си Жун ни презирал свой статус евнуха, ради Сяо Цзе и своей жажды власти, ему пришлось вновь облачиться в придворные одежды. Что ж, по крайней мере, на этот раз он стал главным евнухом.

После утомительной церемонии Линь Цинюй уже собирался вернуться домой вместе с Гу Фучжоу, но был остановлен появившимся Сяо Сунцзы. Тот сообщил, что император желает видеть его во дворце Циньчжэн.

«Уточни, – переспросил Линь Цинюй, – это император приглашает меня или евнух Си?»

Сяо Сунцзы теперь стал евнухом, отвечающим за подачу чая в зале Циньчжэн, он стал свидетелем многих закулисных событий.

«Приглашение исходит лично от императора, – заверил он. – Евнух Си сейчас занят переездом вдовствующей императрицы из дворца Фэнъи во дворец Цыань».

«Кажется, в этом приглашении нет ничего серьезного, – задумчиво произнес Гу Фучжоу. – Ступай, я подожду тебя в Императорском саду».

К тому времени когда Линь Цинюй явился в зал Циньчжэн, Сяо Цзе в окружении нескольких дворцовых служанок заканчивал переодевание. Заметив вошедшего, Сяо Цзе улыбнулся Линь Цинюю, поприветствовав: «Императорский лекарь Линь, вот и ты. Присаживайся. Я... чжэнь скоро закончит. Сяо Сунцзы, подай императорскому лекарю Линю чай».

Вскоре Сяо Цзе предстал перед ним в привычных императорских одеждах, сразу же переходя к жалобам: «Эти церемониальные одеяния невыносимо тяжелы, а корона была настолько тяжелой, что чжэнь всерьез опасался, что та сломает нам шею».

Линь Цинюй спокойно заметил: «Парадное одеяние императора тяжелое, дабы отражать величие Сына Неба, его осанку и блистательную внешность».

Сяо Цзе, трезво оценивая себя, возразил: «Но аура чжэня недостаточно внушительная. Чжэнь даже парадное одеяние не может нести с должным величием. Если бы это был старший брат, наследный принц... Чжэнь имеет в виду третьего брата, такое одеяние больше подошло бы третьему брату, чем чжэню».

Сказав что-то подобное перед простым чиновником, в глазах Линь Цинюя, Сяо Цзе уже по определению становился «ходячим глупцом». Каким бы умным ни был Си Жун, разделяя свой интеллект с Сяо Цзе, он делил его надвое, обращая в полу дурака.

«...Или даже шестой брат, – Сяо Цзе продолжал свой глупый лепет. – Императорский лекарь Линь, вы видели шестого брата чжэня?»

Линь Цинюй сдержанно кивнул: «Я видел его».

Сяо Цзе взволнованно спросил: «Разве он не хорош собой?»

«Хорош».

«Чжэнь всегда считал шестого брата самым красивым юношей под небесами. Если бы чжэнь был отцом-императором, чжэнь бы не заточил его в саду Цзиньян, разлучив с матерью на столь долгие годы, – на лице Сяо Цзе отразилось сожаление. – Он был бы усладой глаз во дворце».

Линь Цинюй ответил с той же невозмутимостью: «Вдовствующая императрица вернула шестого принца во дворец. В будущем ваше величество сможет часто видаться с ним».

Теперь, когда Сяо Цзе взошел на трон, Сяо Ли больше не звался шестым принцем. Получив одобрение вдовствующей императрицы, новый император даровал Сяо Ли титул цзюньвана с именем «Хуай».

[Примечание: 郡 / jùn wáng. 1) цзюньван (князь из пожалованных), пожалованный князь

2) титул особ IV класса в царстве Цзин. Титул, впервые установленный во времена династии Суй. Положение было вторым после императора, которое унаследовали все династии после династии Тан. В династии Цин статус уездного принца был вторым после принца.]

Услышав эти слова, Сяо Цзе снова приободрился, проговорив оживленно: «Шестой брат и вы, те люди, на которых чжэню больше всего нравится смотреть... Ах, и еще на А-Жуна».

Линь Цинюй не очень хотел разговаривать с таким дураком, поэтому он спросил прямо: «По какому вопросу ваше величество вызвал этого чиновника?»

«О, верно, – Сяо Цзе повернул шею. – Чжэнь весь день носил эту церемониальную корону, и теперь у чжэня болит шея. Чжэнь слышал, что вы очень хорошо разбираетесь в иглоукалывании. Не могли бы вы сделать мне это?»

«Прошу прощения за беспокойство, – Линь Цинюй коснулся шеи Сяо Цзе. – Здесь больно?»

Сяо Цзе тихо зашипел и недовольно нахмурился: «Да, больно!»

Линь Цинюй ответил: «При обычных растяжениях иглоукалывание не требуется. Будет достаточно горячего компресса».

Думая, что его все еще ждет Гу Фучжоу, Линь Цинюй не стал надолго задерживаться в зале

Циньчжэн. Когда он выходил, то случайно столкнулся с Си Жуном, который возвращался из дворца Цыань. Си Жун по-прежнему выглядел вежливым и учтивым, сказав при встрече: «Приветствую, императорский лекарь Линь».

Линь Циньюй негромко поприветствовал его в ответ и направился в сторону Императорского сада. Си Жун бросил острый взгляд ему в спину. Как только он вошел в зал, то спросил Сяо Цзе: «Что-то случилось, что ваше величество искал императорского лекаря Линя?»

Сяо Цзе наклонил шею, ожидая, пока Сяо Сунцзы наложит горячий компресс: «О, у чжэня болит шея. Чжэнь попросил его взглянуть».

Си Жун подошел и взял полотенце у Сяо Сунцзы, проговорив: «Предоставьте все здесь мне. Вы все можете идти».

Когда дворцовые служанки и евнухи один за другим удалились, Си Жун положил горячий компресс на шею Сяо Цзе, продолжив беседу: «В следующий раз, когда вашему величеству станет плохо, не ходите к императорскому лекарю Линю. Он не единственный, кто обладает прекрасными медицинскими навыками в Императорской лечебнице».

Сяо Цзе озадаченно спросил: «Почему?»

Си Жун спокойно ответил: «Потому что императорский лекарь Линь и генерал Гу не верны императору».

Сяо Цзе уставился на него и недоверчиво воскликнул: «Не может быть!»

«Нет? – губы Си Жуна дрогнули. – Эта пара мужа и жены смогла возвести вас на трон, естественно, у них также есть способ превратить вас во второго Сяо Чэна. Иначе зачем бы Линь Циньюй захотел, чтобы вдовствующая императрица управляла двором из-за кулис? Зачем им назначать Гу Фучжоу во главе охраны императорского дворца?»

Сяо Цзе, выслушав доводы, проговорил не верящим тоном: «Они так нам помогли. Будет только правильно, если мы дадим им что-нибудь взамен».

Си Жун хорошо знал характер Сяо Цзе и понимал, что разговоры тут бесполезны. Поэтому он еще раз повторил: «В любом случае, вашему величеству следует прислушаться к моим словам и держаться подальше от Линь Циньюя».

Сяо Цзе неохотно пробормотал: «Но...»

Сила руки Си Жуна внезапно увеличилась, почти полностью сдавив шею Сяо Цзе. Он наклонился к уху Сяо Цзе и прошептал серьезным тоном: «Ваше величество, как давно вы и Линь Циньюй знаете друг друга? И как давно знаем друг друга мы? Вы верите ему, а не мне?»

Хотя его схватили за шею, Сяо Цзе все еще не подозревал о приближающейся опасности. Он только знал, что Си Жун, кажется, очень рассержен, поэтому поспешно проговорил: «Хорошо, чжэнь обещает. В будущем чжэнь будет держаться от него подальше. Не сердись».

Гу Фучжоу болтался в Императорском саду, ожидая прихода Линь Цинюя. Вдовствующая императрица Вэнь любила хризантемы, и новый император посадил в императорском саду все виды хризантем, чтобы показать свою сыновнюю почтительность. Это был сезон, когда хризантемы обильно цвели, и среди такого великолепия было приятно прогуляться.

Гу Фучжоу совершил короткую прогулку и нашел каменную скамью, на которую можно было присесть, чтобы отдохнуть. Когда его начала одолевать скука, он случайно заметил за холмом с цветами одетого в роскошную одежду молодого человека, сидящего на корточках. Хотя он не видел лица юноши, но уже догадался о том, кто это мог быть. Единственным, кто мог носить такую роскошную одежду во дворце, был конечно Сяо Ли.

Гу Фучжоу спросил сопровождавшего его евнуха, уточняя: «Это Хуай ван?»

«Да».

«Что он делает? – Гу Фучжоу выглядел удивленным. – Играет в грязи?»

Евнух смущенно ответил: «Этот слуга не знает».

Слегка нахмурившись, Гу Фучжоу посмотрел на спину Сяо Ли. Он уже собирался сделать шаг вперед, чтобы посмотреть на него поближе, как его окликнул сзади знакомый голос Линь Цинюя: «Генерал».

После появления своего прекрасного супруга Гу Фучжоу потерял всякий интерес смотреть на кого-либо еще: «Эй, я наконец-то дождался тебя!» – воскликнул он.

Увидев его страдальческое выражение лица, Линь Цинюй заметил с легким упреком: «Я думал, тебе нравится ждать меня?»

«Это верно, – улыбнулся Гу Фучжоу. – Но все же я предпочитаю находиться рядом с тобой».

Они вернулись в свою резиденцию. Хуань Тун был занят во дворе. Когда Линь Цинюй спросил, чем именно тот занимается, то узнал, что Хуань Тун собирается разнести по всем комнатам приготовленный им древесный уголь.

«Уже пора использовать древесный огонь? – тихо переспросил Линь Цинюй. – Время так быстро летит».

Не успели они обернуться, как снова приближалась зима.

Хуань Тун пояснил: «Настоящие холода еще не наступили. Но я опасаясь, что молодому мастеру может стать холодно, поэтому решил заранее приготовить угольные жаровни».

В ту ночь действительно резко похолодало. На улице стало намного холоднее, чем накануне днем. Перед сном Линь Цинъюй добавил несколько кусочков древесного угля в жаровню и собирался уже зажечь ее, но молодой человека остановил Гу Фучжоу, резонно заметив: «Ты собираешься использовать уголь до того, как наступит настоящая зима? Тогда что ты будешь делать в самую зиму? Выйдешь на улицу в одеяле? Разве императорский лекарь Линь не слышал о принципе „Весной прикрывайся, а осенью мерзни“?»*

[Примечание: 春捂 / chūn wǔ qiū dòng. Весной не следует торопиться со снятием одежды, а при наступлении осенних холодов не помешает немного померзнуть. Про постепенную адаптацию к постепенным сезонным изменениям температур.]

Линь Цинъюй посмотрел на него, возразив: «Но мне холодно».

«Если мы будем спать вместе, то тебе не будет холодно, – непринужденно заметил Гу Фучжоу, добавив: – Завтра я попрошу кого-нибудь сменить нашу двухъярусную кровать на обычную кровать, только больших размеров».

Линь Цинъюй опустил ресницы, кротко ответив: «Хорошо».

Гу Фучжоу с честным лицом продолжил свои рассуждения: «Тогда сегодня вечером давай поспим в тесноте внизу».

С теплом тела Гу Фучжоу, даже зимой, спать под одеялом будет тепло. Гу Фучжоу лег с краю, а Линь Цинъюй – возле стены, повернувшись к ней лицом. Гу Фучжоу обнял его сзади, прижавшись грудью к спине.

Линь Цинъюй всегда занимал нижний ярус. Все его постель была пропитана легким лекарственным ароматом.

Через некоторое время Гу Фучжоу произнес: «Цинъюй, не поворачивайся ко мне спиной. Иначе я могу нечаянно прижать твои волосы».

Линь Цинъюй послушно повернулся к нему лицом и, взглянув на Гу Фучжоу, тихо спросил: «Доволен? А теперь спи».

Гу Фучжоу снова проговорил: «Подожди со сном».

Линь Цинюй, сам не замечая, нервно вцепился в одеяло: «Чего ты хочешь?» – спросил он настороженно.

В ответ Гу Фучжоу просто поцеловал его.

Нижняя койка была слишком маленькой, и они лежали на ней так близко, что не могли скрыть друг от друга даже малейшего изменения своего тела. Гу Фучжоу, как будто обнаружив что-то необычное, удивленно произнес: «Цинюй, у тебя там встал».

Лицо Линь Цинюя зарделось от смущения. Но он, не показывая виду, ответил спокойно: «Почему у меня не может быть такой реакции? Я не Си Жун».

Он был нормальным взрослым мужчиной. Когда он целуется с тем, кто ему нравится, естественно, у него встанет там.

Гу Фучжоу улыбнулся и объяснил: «Я не это имел в виду. Разве раньше ты не говорил, что тебя не интересует эта сторона жизни, потому что ты слишком много видел голых плоти?»

Кроме того, Линь Цинюй выглядел слишком холодным, будто мирские желания никогда не волновали его. Чтобы такой красавчик да возбуждился из-за его поцелуя. Это было самое удивительное, что только могло произойти в жизни Гу Фучжоу.

Они понятия не имели, когда это произошло, но теперь двое изменили положение, один лежал поверх другого. Линь Цинюй, стараясь изо всех сил сохранить невозмутимость, произнес спокойно: «Разве ты не хотел, чтобы я возбуждился?»

«Как такое возможно? – Гу Фучжоу опираясь руками на кровать слева и справа от Линь Цинюя, склонился над ним ниже, рассматривая молодого человека под собой, он вдруг признался: – Для меня большая честь, что ты возбуждился из-за меня».

От слов Гу Фучжоу Линь Цинюй стало еще более не по себе, он предложил: «Не обращай на это внимания. Через некоторое время я снова успокоюсь».

«Зачем же ждать? – Гу Фучжоу лукаво улыбнулся. – Я помогу тебе».

От такого предложения глаза Линь Цинюя приоткрылись чуть больше.

«Не стесняйся. Я сам хочу это сделать. Если тебе так неловко, то потом можешь помочь мне в ответ».

Линь Цинюй не согласился, но и не отказался. Он просто молчал.

Гу Фучжоу расценил это как согласие с его стороны. Линь Цинюй не из тех, кто будет скромничать в таком вопросе. Но он все же надеялся, что Цинюй сможет сказать об этом вслух. Еще сильнее он хотел, чтобы Цинюй попросил его об этом сам.

Гу Фучжоу спросил разочарованным тоном: «Значит ты не хочешь?»

Линь Цинюй продолжал хранить молчание.

Изобразив на лице печаль, Гу Фучжоу сказал: «Если я буду заниматься этим только сам, у меня заболит рука. Сейчас я предлагаю тебе свою помощь, но ты не хочешь отблагодарить меня в ответ».

Линь Цинюй по-прежнему молчал.

«Хорошо, тогда давай остановимся на стадии поцелуев и объятий, – Гу Фучжоу испустил глубокий вздох отчаяния. – Что поделать, раз лекарь Линь не заинтересован... Поскольку ты мне очень нравишься, то мне будет нравиться даже твоя холодность».

Терпение Линь Цинюя оказалось на исходе, когда он, наконец, ответил: «Достаточно. Если ты продолжишь много болтать, мое желание пропадет раньше, чем ты приступишь».

Гу Фучжоу воспользовался случаем и переспросил: «Цинюй?»

Линь Цинюй отвел взгляд в сторону, его ресницы сильно задрожали, когда он тихо пробормотал: «...Делай, как хочешь».

<http://bllate.org/book/15122/1336705>